

Диана Винн Джонс

Девять жизней

Кристофера
Чанга

Миры Крестоманси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Девять жизней Кристофера Чанта

«Азбука-Аттикус»

1988

Джонс Д. У.

Девять жизней Кристофера Чанта / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус», 1988 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-06519-2

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько яркие, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Кристофер Чант – очень необычный мальчик, только пока он об этом не знает. Ему очень одиноко на свете: маму он видит редко, а папу – еще реже, и оба такие чопорные и так заняты своими делами, что хоть из дому беги. Но из огромного, богатого особняка в Лондоне не очень-то сбежишь. И тогда Кристофер начинает путешествовать по разным мирам – во сне. По крайней мере, до поры до времени он уверен, что во сне. Именно там, в соседних мирах, ему суждено найти новых друзей, в том числе немного таинственного Такроя, девочку-волшебницу Ашет (живое олицетворение древней богини), запертую в мраморном храме, полном кошек, и грозного рыжего кота Трогмортена. А еще ему предстоит ввязаться во множество приключений сразу и узнать, какое отношение к его странствиям имеет Крестоманси – главный волшебник всех миров.

ISBN 978-5-389-06519-2

© Джонс Д. У., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Диана Уинн Джонс

Девять жизней Кристофера Чанта

© А. Погодина, перевод, 2013

© И. Баранов, иллюстрации, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Прошло немало лет, прежде чем Кристофер смог рассказать о своих снах. Причина была проста: жил он по большей части в детской на последнем этаже большого лондонского дома, а его няньки менялись каждые два-три месяца.

Родителей он видел очень редко. Когда Кристофер был еще совсем маленьким, он боялся, что однажды на прогулке встретит своего папу – и не узнает его. В те редкие дни, когда папа приходил с работы пораньше, Кристофер садился на корточки на лестнице и смотрел во все глаза, пытаясь запомнить папино лицо. Но в памяти оставались только фигура в черном сюртуке, черные аккуратные усы и несколько седых прядок в темных волосах. Потом папа стремительно исчезал. Единственное, что Кристофер знал о папе точно, так это то, что ростом он выше всех слуг в доме.

Иногда на ступеньках стояла мама, и тогда Кристоферу ничего не было видно из-за широких шелковых юбок с невообразимым количеством рюшек и оборок.

– Напомни своему господину, – говорила она лакею ледяным тоном, – что у нас сегодня званый ужин и он хотя бы раз в жизни должен на нем поприсутствовать.

Папа, скрытый мамиными юбками, мрачно отвечал:

– Передай госпоже, что у меня сегодня вечером слишком много работы дома. Предупредить нужно было заранее.

– Скажи, что, если бы я предупредила заранее, он нашел бы тысячу причин не прийти. Еще напомни, что фирма его устроена на мои деньги и если он не уступит мне в такой мелочи, то я эти деньги заберу.

Папа тяжело вздыхал:

– Скажи, что я иду переодеваться, но против своей воли! Попроси ее уйти с лестницы.

К огорчению Кристофера, мама никогда не уходила. Она подбирала свои юбки и шла перед папой, чтобы проверить, все ли будет, как она хочет.

У мамы были удивительные глаза и копна пышных каштановых локонов. Няньки всегда говорили, что мама – настоящая красавица. В то время Кристоферу казалось, что у всех детей такие родители. Но ему ужасно хотелось, чтобы мама хоть разочек позволила как следует разглядеть папу...

Кристофер думал, что всем снятся такие же сны, как и ему, и не придавал им значения. Каждый раз сон начинался одинаково. Кристофер выпрыгивал из кровати в детской спальне, залезал в камин и оказывался на каменистой дорожке, ведущей в зеленую долину с ручьем. В саму долину ему спускаться не хотелось. Вместо этого он поднимался выше, огибал большой утес и оказывался в месте, которое про себя звал Междумирьем. Здесь все казалось недоделанным, словно осталось с тех времен, когда создатель еще не взялся толком за обустройство мира.

Междумирье окружали бесформенные скалы. Некоторые из них были гладкие и островерхие, другие приземистые и шероховатые. Цвет тоже был какой-то неопределенный, серо-коричневый, словно на палитре смешали все краски сразу. В воздухе висел густой туман, размывая и без того неясные очертания скал. Неба не было видно, и иногда Кристофер думал, что его нет вовсе: бесформенные скалы поднимались все выше и выше и где-то высоко над головой срастались в огромную арку.

Во сне он знал наверняка, что, миновав Междумирье, можно оказаться Почти Везде. Почти – потому что там было одно место, которое не хотело, чтобы в него входили. До этого самого Почти было рукой подать, но Кристофер всегда старался обойти его стороной.

Из Междумирья он полз, карабкался по отвесной скале, поскальзывался, взбирался наверх, прыгивал, и так до тех пор, пока не добирался до какой-нибудь другой долины с другой тропинкой. Подобных долин было множество, они действительно были везде, поэтому Кристофер звал их Везделками.

Везделки были совсем непохожи на Лондон. В них было либо холоднее, либо жарче, росли странные деревья и стояли странные дома. Местные жители в основном напоминали жителей Лондона, но у некоторых были весьма необычные глаза и голубоватая или красноватая кожа. Каждый раз, когда он попадал в свои сны, приключения уже ждали его. В этих приключениях ему приходилось совершать разные подвиги, убегать от преследователей, помогать укрощать диких животных, участвовать в войнах. Иногда он ел непривычную пищу, а люди дарили ему подарки: жители долин всегда были добры к мальчику. Но подарки он обычно терял, когда карабкался по скалам, пробираясь домой. Впрочем, однажды Кристоферу удалось сохранить блестящее перламутровое ожерелье – подарок глупых леди, Глупышек, как он называл их про себя, да и то удалось лишь потому, что пришлось повесить его на шею.

В Везделку к Глупышкам Кристофер попадал несколько раз. Там было синее море с белым песком – идеальное место для игр. Глупышки вылезали из воды, усаживались на камни и хихикали, глядя, как он строит песчаные замки.

– О клистофе! – ворковали они шепеляво. – Скажи нам, почему ты клистофе? – И смеялись чуть ли не до слез.

Раньше Кристофер не видел женщин без одежды. У этих была зеленоватая кожа и такого же цвета волосы. Удивительно, но вместо ног у Глупышек были большие серебристые хвосты, как у рыб, и они поднимали ими целые фонтаны брызг. Кристофер никак не мог убедить их, что он не странное животное клистофе.

Всякий раз, когда Кристофер возвращался из этой Везделки, няньки сетовали на то, что у него в кровати песок. Еще громче они причитали, когда обнаруживали пижаму всю в грязи, мокрую и порванную. Тогда Кристофер начал оставлять запасную одежду на тропинке, чтобы переодеться на обратном пути. Он брал костюмы из дома, но няньки даже не успевали заметить пропажу – так часто они менялись. Не замечали они и странных игрушек, которые он изредка приносил домой. Среди них были заводной дракон, лошадь-флейта, ожерелье Глупышек, которое, если присмотреться, состояло из крошечных жемчужных черепов.

Как-то Кристофер подумал о Глупышках, посмотрел на ноги очередной няньки и обнаружил, что ее ботинки точь-в-точь подошли бы по размеру, чтобы спрятать в них плавники. Все дело портили юбки – они не давали ему увидеть, каким образом у мамы и нянек получалось вышагивать на гибких хвостах вместо ног.

Однажды мальчику удалось это узнать. Няня нарядила его в противный матросский костюмчик и повела вниз в гостиную, где мама беседовала с гостями, среди которых присутствовала некая леди Ваджет, приходившаяся папе кем-то вроде кузины. Ее пригласили познакомиться с Кристофером. Мальчик поглядел на огромный нос и морщины папиной кузины и громко спросил:

– Мама, а она ведьма?

Кузина скривилась, все остальные зашикали на него, и, к великому облегчению Кристофера, интерес к нему резко пропал. Он лег на ковер и стал тихонько перекатываться от одной гостьи к другой. Но когда он забрался под диван и принялся рассматривать нижние юбки леди Баджет, его выловили и с позором выставили из гостиной.

Кристофер был разочарован: у всех дам были большие толстые ноги, только у кузины они были худые и желтые, как у цыпленка...

Некоторое время спустя мама позвала его в свою комнату.

– Кристофер, как ты мог! – сказала она. – В кои-то веки мне удалось заманить Баджет к нам в гости! Теперь она больше никогда не придет. Ты все испортил!

«Вот это да! – думал тем временем Кристофер. – Наверное, очень тяжело быть красавицей». Мама сидела перед зеркалом в окружении всевозможных маленьких баночек и бутылочек. Позади нее стояла служанка и в поте лица трудилась над мамиными локонами.

Кристоферу было очень стыдно, и он стал крутить в руках стеклянную баночку, чтобы скрыть смущение. Но мама строго велела ему поставить банку на место.

– Видишь ли, мой мальчик, деньги – это еще не все. Хорошее положение в обществе стоит дороже денег. Леди Баджет могла бы помочь нам получить и первое, и второе. Как ты думаешь, почему я вышла замуж за папу?

До этого Кристоферу и в голову не приходило искать причину, по которой мама и папа стали жить вместе. Он снова протянул руку к баночке, но вовремя вспомнил, что трогать ее нежелательно... и взял вместо этого мамин шиньон. Пока мама говорила, он вертел его в руках.

– У тебя будет папино благородное происхождение и мои деньги. Я хочу, чтобы ты пообещал мне прямо сейчас, что обязательно займешь в обществе достойное место рядом с лучшими людьми. Мама мечтает, чтобы ты стал великим человеком, Кристофер... Ты меня слушаешь?

Кристофер сначала пытался понять, о чем говорит мама, а потом перестал. Он ткнул в шиньон пальцем и спросил:

– А зачем это?

– Чтобы увеличивать прическу, – сказала мама. – Пожалуйста, послушай, Кристофер. Очень важно, чтобы ты прямо сейчас начал готовиться к будущему. Да оставь ты шиньон в покое!

Кристофер положил его на место.

– Я думал, это дохлая крыса, – проговорил он.

Мама, видимо, что-то перепутала, потому что шиньон действительно оказался дохлой крысой. Служанка и мама завизжали, выпроводили Кристофера и послали за лакеем с лопатой.

Потом мама часто звала к себе Кристофера и разговаривала с ним. Он стоял перед ней, стараясь не забывать, что нельзя играть с баночками, рассматривал свое отражение в зеркале и удивлялся, почему у него кудри черные, а у мамы – каштановые, да и глаза у него намного темнее. Ничто больше не прикидывалось дохлой крысой, но иногда какой-нибудь паучок осмеливался спуститься по зеркалу, как только мамини слова становились слишком непонятными.

Кристофер понял, что мама заботится о его будущем, и узнал, что потом ему придется попасть в общество с достойнейшими людьми. Единственное известное ему общество было Обществом просвещения язычников, которому он каждое воскресенье жертвовал монетку в церкви. Мальчик думал, что мама имеет в виду как раз его.

Потихоньку Кристофер навел справки у большеногий няни, и та сообщила, что язычники – это дикари, которые питаются людьми. Миссионеры были лучшими из людей, их-то и поедали язычники. Из всего этого Кристофер сделал вывод, что, когда вырастет, станет миссионером, и очень забеспокоился. Уж лучше бы мама выбрала для него другую карьеру.

Еще он спросил у няньки о девушках с рыбьими хвостами.

– А-а, ты имеешь в виду русалок, – засмеялась няня. – В настоящей жизни их не бывает.

Кристофер и сам это знал, потому что встречал их только во сне. Теперь он был убежден, что встретит там и язычников, если как-нибудь случайно попадет не в ту Везделку. Он был так напуган, что какое-то время, оказываясь в новой долине, сначала ложился на тропинку и осматривался, куда его занесло и какие там люди, и лишь потом двигался дальше. Никто не изъявлял желания его съесть, и в конце концов он решил, что язычники живут в том месте, которое к себе не пускает. Ему надоело беспокоиться напрасно, и он отложил все тревоги на «потом, когда вырастет».

Кристофер немного подрос, и люди в Везделках стали иногда давать ему деньги. Он научился отказываться, потому что, как только он дотрагивался до монет, все исчезало и он оказывался в собственной постели. Однажды такое случилось, когда красивая девушка, похожая на маму, смеясь, попыталась повесить ему в ухо сережку. Кристофер спросил бы об этом няню с большими ногами, да ее к тому времени уже не было. Другие же просто отмахивались:

– Отстань, я занята.

Пока Кристофер не научился читать, он думал, что все няни поступают так: приходят, живут месяц, всегда слишком заняты, чтобы поговорить, потом кривят губы и исчезают. Он поразился, когда прочитал про старых слуг, которые жили в семьях целую жизнь и умели рассказывать длинные (иногда весьма скучные) истории о жизни в стародавние времена.

В доме Кристофера ни один слуга не удерживался больше полугода. Кристофер считал, что происходит это из-за мамы с папой, которые перестали разговаривать даже через слуг. Теперь они писали друг другу записки. И поскольку им и в голову не приходило эти послания запечатывать, время от времени кто-нибудь приносил записку на верхний этаж и читал вслух.

Так Кристофер узнал, что мама всегда лаконична. «Мистеру Чанту курить сигары только в собственной комнате», или: «Новая прачка жалуется на прожженные дыры на рубашках», или: «Мистер Чант поставил меня в неловкое положение, уйдя с середины моего званого обеда».

Папа накапливал гору записок и потом отвечал на все сразу, путано и зло: «Моя дорогая Миранда, я курю там, где хочу, а прачку мы для того и нанимали, чтобы приводить одежду в порядок. И вообще, ты очень эгоистична: нанимаешь на работу каких-то грубиянов, которые нравятся тебе, а не мне. Если хочешь, чтобы я присутствовал на твоих приемах, найди повара, который бы отличал бекон от старых подметок, и постарайся поменьше глупо хихикать».

Как правило, прочитав папин ответ, служанки исчезали из дома уже к вечеру.

А Кристофера веселили эти послания. Благодаря им, по крайней мере, было ясно, что папа живой человек, хоть и любитель покритиковать. Но вскоре записки перестали читать – в доме появилась новая гувернантка.

Мама позвала Кристофера к себе. Она была вся в слезах.

– На сей раз твой папа превзошел сам себя. Следить за образованием ребенка – дело матери. Я желаю, чтобы ты пошел в хорошую школу, Кристофер, это очень важно. Но я не хочу принуждать тебя учиться. Ты сам должен решить. Ни с того ни с сего суется неумолимый папа

и, не предупредив меня, приглашает эту гувернантку. Зная твоего папу, можно предположить, что это за чудище! Ох, бедное мое дитя!

Кристофер подумал, что новая гувернантка – это первый шаг на пути к миссионерству, прочувствовал всю важность происходящего и опять забеспокоился. Но гувернантка оказалась всего лишь скучной дамой с маленькими глазками, слишком осмотрительной, чтобы разговаривать с прислугой. К маминой радости, она не прожила с ними и месяца.

– А теперь мы действительно можем начать твое обучение, – сказала мама. – Следующую гувернантку я выберу сама.

И еще года два мама частенько повторяла эту фразу, а гувернантки приходили и уходили, как до этого няньки. Все они были скучными, пугливыми дамами, такими похожими, что Кристофер даже путал их имена. Для себя он решил, что основная разница между нянькой и учительницей заключается в том, что последняя перед уходом начинает рыдать и изрекает что-нибудь интересное про маму с папой.

– Извини, что я ухожу, – говорила, рыдая, третья или четвертая, – ты очень хороший мальчуган, но, хотя ты тут ни при чем, атмосфера в доме ужасная! Каждый раз, когда он ночует дома – слава богу, редко, – я должна сидеть с ними за обеденным столом в полнейшей тишине. Она передает ему через меня записку, он отвечает. Когда записки прочитаны, они бросают злобные взгляды друг на друга и на меня. Я так больше не могу!

Девятая, а может, десятая разоткровенничалась еще больше.

– Я знаю, что они ненавидят друг друга, – всхлипнула она. – Но при чем здесь я? Она из тех, кто не потерпит рядом другую женщину. Я думаю, она колдунья, но не могу сказать наверняка, потому что видела только мелочи. А он такой же сильный, как она. Может даже, тоже волшебник. Они создали ужасную, гнетущую атмосферу – неудивительно, что прислуга у вас не задерживается. Кристофер, прости меня, что я говорю такое о твоих родителях.

Все гувернантки просили у него прощения, и он охотно их прощал, потому что теперь это был единственный способ узнать хоть что-то о маме и папе. В то же время у него появились печальные подозрения, что не у всех детей родители такие.

Похоже, надвигалась гроза. Отголоски ее проникали и наверх, в детскую, несмотря на все усилия гувернанток.

Кристофер помнил вечер, когда все началось. В ту ночь он был в Везделке, и человек с желтым зонтиком подарил ему что-то вроде подсвечника с маленькими колокольчиками. Он был очень красивый, и Кристофер постарался принести его домой. Карабкаясь по скалам в Междумирье, он держал подарок в зубах, чтобы не потерять. И, проснувшись, очень обрадовался, когда обнаружил подсвечник рядом с собой в кровати. Но в доме царили совсем другие настроения. Двенадцатая гувернантка уложила вещи и уехала прямо перед завтраком.

Глава вторая

В тот вечер Кристофера позвали в мамину комнату. На единственном табурете восседала новая гувернантка в обычной скучной одежде и более кошмарной, чем обычно, шляпке. Выцветшие перчатки покоились на тусклой сумочке. Всем своим видом она давала понять, что очень стесняется. У Кристофера эта дама не вызвала ни малейшего интереса, зато его внимание сразу привлек мужчина, стоявший за спиной у мамы и державший ее за плечо.

– Кристофер, это мой брат, – радостно сказала мама. – Твой дядя Ральф.

Мама произнесла это имя как «Рейф». Лишь год спустя Кристофер обнаружил, что это имя пишется и читается как «Ральф»...

В дяде Ральфе Кристоферу понравилось все, начиная с сигары. Дядя курил, и все запахи в комнате смешались с густым дымом. Мама даже почти не возражала, ну если только немножечко пофыркала. Это говорило о многом. Дядя был одет в твидовый костюм рыжего цвета, мешковатый, но очень подходящий к его каштановой шевелюре и усам. Кристоферу не часто приходилось видеть мужчин в твидовых костюмах и без бакенбард. Это еще сильнее убедило его, что дядя – особенный человек. В довершение ко всему дядя улыбался, сияя, как солнце в осеннем лесу. Невозможно было не улыбнуться в ответ.

– Здорово, старина! – сказал Ральф, выпустив облако голубого дыма над блестящей маминной прической. – Может, это и не самый лучший способ представляться племяннику, но я тут утрясал семейные дела, и мне пришлось сделать парочку кардинальных изменений. Например, я привел тебе новую гувернантку и записал тебя в школу с осени. Гувернантка перед тобой. Мисс Белл. Надеюсь, вы друг другу понравитесь. Хотя бы настолько, чтобы простить меня.

Он жизнерадостно улыбнулся, и Кристофер почувствовал, что уже почти обожает его. Но на мисс Белл все равно взглянул с сомнением. Она тоже посмотрела на него, и в лице ее промелькнуло что-то милое. Она заморгала и прошептала скучнейшим голосом, под стать ее одежде:

– Рада с вами познакомиться.

– Надеюсь, это твоя последняя гувернантка, – сказала мама, и в памяти Кристофера эта женщина так и осталась Последней Гувернанткой. – Она подготовит тебя к школе. Я не говорю, что отсылаю тебя, но твой дядя уверен, что хорошее образование очень важно для карьеры. К тому же скажу честно, Кристофер, твой папа устроил ужасную путаницу с деньгами – моими деньгами – и потерял почти все. Слава богу, приехал твой дядя и...

– Когда меня просят о помощи, я не бросаю людей в беде, – сказал Ральф, стрельнув глазами в сторону гувернантки. Может, он имел в виду, что ей лучше не слышать этого. – К счастью, денег на то, чтобы послать тебя в школу, хватает, да и мама сможет съездить за границу, ей это не повредит. Да, Миранда? А мисс Белл найдет и другое место с такими блестящими рекомендациями. У всех все будет великолепно.

Он тепло и доверительно улыбнулся каждому по очереди. Мама рассмеялась и побрызгала духами на волосы. Последняя Гувернантка почти улыбнулась и снова почти похорошела. Кристофер попытался по-взрослому ухмыльнуться дяде в ответ – видимо, только так можно было выразить безмерное, практически безнадежное восхищение, переполнявшее его. Ральф хохотнул и окончательно завоевал сердце племянника, выудив из кармана новенькую блестящую монету в шесть пенсов и протянув ее мальчику.

Кристофер скорее умер бы, чем потратил эти деньги. И каждый раз, переодеваясь, он неизменно перекладывал монету в новый карман. Для него это был еще один способ выразить свое восхищение дядей. Стало ясно, что дядя появился, чтобы спасти маму от разорения, поэтому Кристофер считал его первым хорошим человеком в своей жизни. А самое главное, дядя был тем единственным человеком в реальном мире (а не в Везделках), который разговаривал с мальчиком дружелюбно и по-мужски.

Ради Ральфа Кристофер попытался отнестись с восхищением и к Последней Гувернантке, но это было весьма затруднительно. Она оказалась невероятно скучной, говорила нудным монотонным голосом и ни капли не изменила тона, даже когда выяснилось, что он совсем не разбирается в устном счете и левитации, о которых остальные гувернантки просто не вспоминали.

– Если полторы селедки стоят половину от трех пенсов, Кристофер, – объясняла она уныло, – значит, полтора пенни за полторы рыбины. А сколько будет стоить одна селедка?

– Не знаю. – Мальчик едва сдерживался, чтобы не зевнуть.

– Хорошо, – спокойно говорила Последняя Гувернантка. – Продолжим занятие математикой завтра. А сейчас посмотрите в зеркало и попробуйте поднять его в воздух хотя бы на дюйм.

Но поднимать зеркала в воздух Кристофер умел не лучше, чем вычислять стоимость селедки. Гувернантка оставила зеркало в покое и принялась учить его французскому. Через несколько дней Кристофер решил ее позлить, надеясь, что станет интереснее, если она будет кричать. Но Гувернантка спокойно сказала:

– Кристофер, вы глупее. Пойдите поиграйте со своими игрушками. Но помните: вы можете брать только одну игрушку зараз и должны положить ее на место, прежде чем взять другую. Это наше правило.

Кристоферу пришлось привыкнуть к этому скучному правилу, сводившему на нет большую часть веселья. Еще эта особа всегда сидела рядом, когда он играл. Другие радостно хватались за возможность отдохнуть, а эта сидела как пришибленная на деревянном табурете и неизменно латала дырки на одежде Кристофера, отчего играть становилось совсем скучно.

Тем не менее однажды он вытащил из шкафа подсвечник с колокольчиками, подвешенными так, что мелодия зависела от того, какой колокольчик тронуть первым.

Когда он наигрался, Последняя Гувернантка оторвалась от своей штопки и сказала:

– Поставьте его на верхнюю полку. Потом возьмете дракона.

Она дождалась, пока колокольчики не прозвенели о том, что Кристофер сделал все как велено, и, воткнув иглу в очередной носок, спросила самым занудным тоном:

– Кто вам подарил эти колокольчики, Кристофер?

Никто прежде не интересовался тем, что Кристофер притаскивал из Везделок. Он даже смутился.

– Человек под желтым зонтиком, – ответил он. – Он сказал, что они принесут удачу в мой дом.

– Что за человек и где? – поинтересовалась Гувернантка, хотя голос ее выдавал полное равнодушие.

– Почти Везде, – проговорил Кристофер. – Там жарко, много запахов и ходят заклинатели змей. А имя свое человек не назвал.

– Это не ответ, Кристофер, – спокойно сказала Последняя Гувернантка.

Она больше не спрашивала ни о чем до тех пор, пока через пару дней Кристофер снова не вытащил подсвечник.

– Не забудьте поставить его на место, когда поиграете. Вы уже вспомнили, где был человек под желтым зонтиком?

– Перед раскрашенным домиком, в котором живут боги, – ответил мальчик, заставляя звенеть маленький серебряный колокольчик. – Он был очень любезен и просил не беспокоиться о деньгах.

– Очень щедро, – заметила Гувернантка. – И где находится этот цветной домик для богов, Кристофер?

– Я же сказал – Почти Везде.

– А я сказала, что это не ответ. – Она отложила штопку. – Я прошу вас рассказать, откуда взялись эти колокольчики.

– Зачем вам знать? – Кристоферу очень хотелось, чтобы она оставила его в покое.

– Затем, – произнесла Последняя Гувернантка со зловещим спокойствием, – что вы не такой честный и открытый, каким должен быть милый мальчик. Думаю, вы украли эти колокольчики!

От столь чудовищного обвинения Кристофер покраснел и слезы навернулись на глаза.

– Нет! – крикнул он. – Тот человек подарил их мне! В Везделках люди всегда делают мне подарки, только почти все я теряю. Смотрите!

Нарушая «правило одной игрушки», он подлетел к шкафу, вытащил лошадь-флейту, ожерелье русалок, заводного дракона и свалил все это в корзину для штопки.

– Смотрите! Это все из Везделок! Последняя Гувернантка уставилась на них с ледяным равнодушием.

– Значит, и это все краденое? – Она поставила корзину с игрушками на пол и встала. – Пойдемте. Нужно срочно доложить вашей маме.

Она схватила Кристофера за руку и, несмотря на его протестующие крики, безжалостно потащила вниз. Кристофер извивался, упирался и цеплялся ногами за ковер. Он прекрасно понимал, что не сумеет ничего объяснить маме. Но Гувернантка была неумолимой.

– Хватит безобразничать! Вы уже большой мальчик.

Это ему твердили все гувернантки. Но Кристоферу было наплевать. Слезы ручьями потекли по щекам, и он выкрикнул имя единственного человека, который мог его спасти:

– Дядя Ральф! Я объясню дяде Ральфу! Гувернантка взглянула на него. И опять лишь на секунду промелькнула скрытая красота на ее лице. Но, к отчаянию мальчика, мисс Белл приволокла его к маминной комнате и постучала в дверь.

Мама в удивлении отвернулась от зеркала и взглянула на заплаканного Кристофера. Потом перевела взгляд на Последнюю Гувернантку:

– Что происходит? Он заболел?

– Нет, мадам, – мрачайшим тоном произнесла та. – Случилось такое, о чем, я считаю, нужно незамедлительно сообщить вашему брату.

– Ральфу? Вы хотите, чтобы я ему написала? Или это еще более срочно?

– Еще более срочно, мадам, – уныло проговорила Гувернантка. – Кристофер сказал, что сознается во всем своему дяде. Я настоятельно рекомендовала бы вам позвать его сейчас же.

Мама зевнула (Гувернантка ужасно ее утомила).

– Я постараюсь, но не отвечаю за его настроение. У него очень много работы, как вы знаете.

Мама начала небрежно вытаскивать темные волоски из серебряной расчески, которой только что водила по голове, а потом, но намного осторожнее, волоски из хрустальной шкатулки для расчесок.

Кристофер стоял и смотрел на ее красивые жемчужные ногти, всхлипывал время от времени и вдруг увидел, что одна волосинка намного ярче остальных. Мама вытянула ее из общей кучки и скрестила с более темной. Затем взяла что-то вроде шляпной булавки с блестящей головкой, положила на эти два волоска сверху и постучала по ней острым ноготком.

– Ральф! – позвала она. – Ральф Серебринг! Ты нужен Миранде!

Одно из зеркал превратилось в окно, за которым стоял раздраженный дядя Ральф и завывал галстук.

– Ну что там у вас? – спросил он. – Я сегодня очень занят!

– А когда ты не занят?! – ответила вопросом мама. – Послушай, пришла эта твоя гувернантка, вечно похожая на дождливую погоду. Она привела Кристофера и говорит что-то о признаниях. Не мог бы ты подойти и все выяснить? Это выше моего понимания.

– Она здесь? – Дядя нагнулся через окно – или зеркало? – и увидел Кристофера. Подмигнул ему и расплылся в самой лучезарной улыбке: – Мой милый мальчик! Похоже, ты чем-то опечален. Я мигом!

Кристофер увидел, как он отошел от окна и куда-то направился. Едва мама успела сказать Последней Гувернантке:

– Ну вот, это все, чем я могла помочь! – как дверь распахнулась и вошел дядя Ральф.

Кристоферу было так интересно, что он почти забыл о своих всхлипываниях. Он попытался представить, что же было по ту сторону маминой комнаты. Ему казалось, что там должна быть лестница. Наверное, у дяди имелась тайная комната в стене шириной в пару шагов, но скорее это было волшебство. Как только мальчик об этом подумал, дядя незаметно сунул ему большой белый платок и радостно зашагал в центр комнаты, чтобы дать Кристоферу время утереть слезы.

– И что все это значит?

– Понятия не имею, – ответила мама. – Она сейчас расскажет.

Дядя вопросительно изогнул рыжие брови. – Я обнаружила, что Кристофер играет с неким изделием, – скучно объяснила Гувернантка. – Раньше я такого не видала. Он сделан из неизвестного мне металла. Потом выяснилось, что у него есть еще другие изделия, все разные. Но мальчик не может сказать, откуда они у него.

Ральф взглянул на Кристофера, который спрятал платок за спину и тревожно смотрел на дядю.

– Ну и дела! – сказал Ральф. – Ты покажешь мне эти штуки и все объяснишь?

Мальчик вздохнул с облегчением. Он знал, что дядя Ральф его спасет.

– Конечно, пожалуйста! – ответил он.

И они вместе пошли наверх. Впереди шла Последняя Гувернантка, а сзади – Кристофер, держа дядю за теплую руку. Когда они вошли в комнату, Гувернантка преспокойно села за шток, давая понять, что считает свой долг выполненным. Дядя поднял колокольчики и позвенел ими.

– Ей-богу, – воскликнул он, – в целой вселенной не сыщешь подобного!

Он поднес их к окну и принялся внимательно рассматривать каждый колокольчик.

– Ты умная женщина, Белл. Они ни на что не похожи. Какой-то странный сплав, видимо для каждого колокольчика особый. На вид ручная работа. – Ральф указал на пуфик у камина и мягко сказал: – Садись сюда, старина, и расскажи-ка мне, как ты принес эту штуку сюда.

Кристофер охотно сел.

– Мне пришлось держать их зубами, когда я перебирался через Междумирье.

– Нет-нет. Это, похоже, конец истории. Начни сначала.

– Я спустился в долину, в город заколдованных змей... – начал Кристофер.

– Нет, еще раньше. С того, как ты вышел из этой комнаты. Кстати, когда это было, в какое время? После завтрака или перед ланчем?

– Да нет, ночью! – объяснил мальчик. – Это был один из снов!

Так, мало-помалу, Кристофер рассказал дяде о своих снах, о Междумирье, о Везделках, куда он спускался из долин. Дядя Ральф вовсе не разозлился, а, наоборот, стал довольно потирать руки, поэтому Кристофер постарался припомнить все, что мог.

– Ну, что я тебе говорил! – сказал дядя, видимо Гувернантке. – Предчувствия меня никогда не обманывают. Что-то должно было выйти путное с такой наследственностью! Клянусь, Кристофер, ты, должно быть, единственный человек в мире, кому удастся приносить настоящие вещи из этих путешествий. Даже сам старый де Витт, наверное, не может!

Кристофер вспыхнул от мысли, что дядя Ральф доволен им, но не мог избавиться от чувства обиды на Гувернантку.

– Она сказала, что я их украл.

– Не обращай на нее внимания. Женщины всегда делают неверные выводы, – сказал Ральф, зажигая сигару.

А Последняя Гувернантка пожала плечами и слегка улыбнулась. Скрытая красота появилась снова, как будто Гувернантка была обыкновенным человеком и радовалась их шутке.

Ральф выпустил несколько колечек голубого дыма, сияя, словно солнце сквозь тучи.

– Теперь, старина, – сказал он, – остается проверить этот твой дар. Ты можешь управлять своими снами? Можешь отправляться в эти свои Везделки, когда захочешь, или нет?

Кристофер подумал и сказал:

– Я хожу в них, когда хочу.

– Тогда ты не против прогуляться туда, скажем, завтра ночью?

– Можно даже сегодня, – с готовностью предложил мальчик.

– Нет, завтра. Мне нужен день, чтобы подготовить наш эксперимент. – Он наклонился и направил сигару на Кристофера, чтобы ясно показать, что он не шутит. – Как только будешь готов, выйдешь, как обычно, и постарайся сделать две вещи. Но сначала я попробую договориться, чтобы в Междумирье тебя ждал человек. Нужно выяснить, сможешь ли ты его найти. Это во-первых. Скорее всего, тебе придется покричать, чтобы встретить его, – не знаю: я сам не умею путешествовать в снах. Но в любом случае, посмотрим, сумеешь ли ты пообщаться с ним. Если сумеешь, тогда будет «во-вторых» – про следующий этап эксперимента тебе расскажет этот человек. Если все получится, я буду очень доволен. Как ты думаешь, получится? Ведь ты поможешь мне, старина?

– Да, – ответил Кристофер.

Ральф встал и похлопал его по плечу:

– Славный мальчуган! Запомни: тебе дан очень важный, уникальный дар. Настолько важный, что я советую тебе ни с кем, кроме меня и мисс Белл, о нем не говорить. Даже с мамой. Ладно?

– Ладно, – согласился Кристофер, радуясь, что дядя Ральф считает его умение путешествовать во сне таким важным.

Он был так польщен, что сделал бы намного больше, чем просил дядя. Никому не рассказывать – чего проще! Ведь вокруг нет никого, кому можно было бы рассказать.

– Итак, это наш секрет, – сказал Ральф, подходя к двери. – Только мы трое знаем, и еще тот человек, которого я пошлю. Не забудешь, что нужно будет его поискать?

– Не забуду, – охотно пообещал Кристофер. – Славный мальчик, – сказал дядя Ральф и вышел из комнаты, оставив после себя облако дыма.

Глава третья

Время тянулось бесконечно. Кристоферу казалось, что завтрашняя ночь не настанет никогда. Он сгорал от нетерпения показать дяде Ральфу, на что способен. Если бы не Последняя Гувернантка, он бы заболел от ожидания, но она была так скучна, что все вокруг нее тоже становилось скучным. К вечеру следующего дня Кристофер даже и не знал, есть ли вообще какой-то смысл в его сновидениях.

Но он лег, заснул, и ему стал сниться его сон, потому что дядя Ральф попросил. Как обычно, он выпрыгнул из кровати и через камин попал в долину, где под камнем лежала его сменная одежда, рваная и грязная после множества путешествий и давно уже размера на два меньше, чем нужно.

Кристофер переоделся быстро, благо ему не попало ни одной пуговицы. Туфель у него вообще не было, потому что они ему мешали перебираться через скалы. В Междумирье он бродил босиком.

Это место, как всегда, было какое-то неясное, бесформенное, повсюду нагромождения камней, даже над головой. В воздухе висел все тот же густой туман, окутывающий даже капли дождя, которые ветер носил туда-сюда.

Кристофер очень надеялся, что не придется долго торчать здесь в поисках знакомого дяди Ральфа. В плохую погоду он чувствовал себя очень маленьким, к тому же в этот раз сильно замерз и промок.

Кристофер залез на каменный оползень и закричал:

– Я тут!

В Междумирье его крик превратился в птичий писк. Туман и ветер подхватили звук голоса и похоронили в шквале дождя. Кристофер дождался ответа, но вокруг раздавалось только протяжное гудение ветра.

Он раздумывал о том, нужно ли кричать еще, как вдруг услышал тоненький звук, доносящийся от скал:

– Я ту-у-ут!

Это был его собственный крик, Кристофер не сомневался. С самого первого сна он знал, что Междумирье всегда возвращает то, что ему не принадлежит. Именно поэтому вернуться в кровать отсюда было намного легче, чем попасть в какую-нибудь новую долину. Междумирье выталкивало его.

Кристофер задумался. Пожалуй, кричать нет смысла. Если бы знакомый дяди Ральфа был где-то в тумане, он все равно не смог бы долго стоять и ждать – его бы вытолкнуло в ту долину, из которой он явился. Поэтому если он и ждал, пока Кристофер разыщет его, то, скорее всего, в долине.

Кристофер вздохнул. Таких долин были тысячи – вверху, внизу, слева, справа; из одних долин открывались дороги в другие, и это только в непосредственной близости! Если пойти в другом направлении, например к Везделке, которая не любит людей, можно найти еще больше долин.

Но дядя Ральф вряд ли стал бы слишком уж усложнять задачу. Человек должен быть где-то рядом.

Кристофер пообещал Ральфу, что сделает все, чтобы эксперимент удался, поэтому двинулся вперед, взбираясь по мокрым камням, соскальзывая и вскарабкиваясь снова.

В первой долине никого не оказалось.

– Эй! Я тут! – крикнул он.

Среди зелени стремительно неслась река. Людей не было.

Он вернулся обратно и пополз в другую сторону. Еще не добравшись до ровной земли следующей долины, сквозь туман он различил темную блестящую фигуру.

– Эй? – окликнул его Кристофер.

– Да! Я... Это Кристофер? – спросил человек. Сильный голос мог принадлежать юноше. – Пойдем-ка отсюда куда-нибудь, где мы сможем видеть друг друга.

Преодолев несколько спусков и подъемов, они соскользнули с горы и очутились в долине, где воздух был теплый и спокойный. Заходящее солнце окрасило траву в розовый цвет.

– Ну? – спросил человек дяди Ральфа, – Ты в два раза меньше, чем я думал. Рад с тобой познакомиться, Кристофер. Меня зовут Такрой.

Он усмехнулся и посмотрел сверху вниз на Кристофера. Человек был такой же молодой и сильный, как и его голос; плотный и крепкий, с круглым загорелым лицом и веселыми карими глазами.

Кристоферу он сразу понравился. Наверное, еще и потому, что впервые он встретил взрослого с такими же вьющимися волосами, как у него. Хотя они были не совсем похожи. У Кристофера волосы вились мягко, а у Такроя завитки были крутые, будто маленькие светло-коричневые пружинки. Кристофер решил, что Такрою должно быть больно, когда гувернантка или еще кто-нибудь заставляет его причесываться. Размышляя об этом, он заметил, что волосы Такроя сухие. И ни следа от той поблескивающей влаги, которая пропитала одежду Кристофера. На Такрое был зеленоватый шерстяной костюм, довольно потертый, но абсолютно сухой.

– Почему ты так быстро высох? – спросил Кристофер.

Такрой засмеялся:

– Я здесь не совсем присутствую, как, например, ты. А ты весь до нитки промок. Как это тебя угораздило?

– Дождь шел в Междумирье. Ты там тоже должен был вымокнуть.

– Да? Странно. Мне вообще сложно все это представлять, даже здесь, в долине. Хотя тебя я вижу хорошо – конечно, когда мы оба этого хотим.

Ни слова не поняв, Кристофер стал буравить его взглядом. Такрой опять рассмеялся, отчего понравился Кристоферу еще больше.

– Расскажи мне, что ты там видишь. – Он махнул загорелой рукой в сторону долины.

– Там долина, – ответил Кристофер, гадая, что видит Такрой. – Зеленая трава. От заходящего солнца ручей стал розовым.

– Правда? Тогда ты сильно удивишься, если я скажу тебе, что вижу только легкий розоватый дымок.

– Почему?

– Потому что я здесь лишь мысленно, а ты – всем телом и головой. В Лондоне мое драгоценное тело лежит на диване в глубоком трансе, завернутое в одеяла. Меня согревают бутылки с горячей водой, прекрасная молодая леди играет мне на арфе. За девушку я заплатил особо. А ты, случаем, не лежишь тоже где-нибудь в кровати?

Этот вопрос одновременно и озадачил, и обеспокоил мальчика.

– Пойдем-ка, – сказал юноша. – Следующая часть эксперимента заключается в том, чтобы проверить, сможешь ли ты принести домой заготовленный пакет. Я тут сделал пометку. Ты сделай тоже, и мы спустимся в этот мир.

– Пометку?

– Да. А как же иначе узнать дорогу назад?

И как узнать, что это за долина?

– Дорогу найти очень легко, – возразил Кристофер. – И я всегда могу сказать, в какой Везделке я был, а в какой – нет. В этой – самый маленький ручей, я здесь уже был.

Такрой пожал плечами и поглядел вверх:

– Послушай, не спорь со мной. Пожалуй с та, нацарапай цифру девять – на этом камне или еще где-нибудь. Я не хочу тебя потерять.

Кристофер покорно подобрал острый камешек и принялся рисовать цифру прямо на тропинке. «Девятка» вышла кривая и кособокая. Он взглянул на Такроя, который выглядел так, будто встретил привидение.

– В чем дело?

Юноша дико хохотнул.

– Да так, ничего особенного. Просто я ее вижу. Неслыханно! А ты видишь мою метку?

Кристофер огляделся вокруг, посмотрел даже на вечернее небо, но вынужден был сознаться, что не заметил ничего, напоминающего метку.

– Слава богу! – выдохнул Такрой. – Хоть это нормально. Мне безумно хочется знать, кто ты есть на самом деле. Я начинаю понимать, почему твой дядя так разволновался.

Вместе они прогулялись по долине. Такрой держал руки в карманах и выглядел неприужденно, но Кристофера не покидало чувство, что обычно его спутник попадает в Везделку совсем другим путем – быстрее и легче. Однако он украдкой поглядывал на Кристофера, словно был не уверен в том, куда идти, и ждал, чтобы Кристофер сам выбрал путь. Он заметно успокоился, когда они дошли до конца долины и оказались на дороге, изрытой колеями и ведущей в глухой лес. Солнце почти село. Перед ними стояла древняя, ветхая таверна, в окнах которой горел свет.

Это была одна из первых Везделок Кристофера. В первый раз здесь было жарче и шел дождь; деревья-великаны тогда были ярко-зелеными, с листьев падали капли. Сейчас они стояли поникшие и серые – насколько можно выглядеть серым в розовом свете. Кристофер поднялся за Такром на деревянную веранду причудливой конструкции и увидел, что пятна разноцветного лишайника, восхитившие его в прошлый раз, высохли и побелели. Интересно, вспомнит ли его хозяин?

– Эй, есть кто-нибудь? – закричал Такрой. Ничего не изменилось. Тогда он сказал Кристоферу:

– Можешь постучать по столу? Я-то не могу. Кристофер заметил, что половицы веранды прогибаются и скрипят под его ногами, а под ногами Такрой – нет. Похоже, здесь действительно был только дух Такрой. Кристофер поднял деревянную миску и громко постучал ею по столику. Такрой опять вытарашил глаза.

В конце концов, шаркая, пришел хозяин, завернутый в три шерстяные вязаные шали. Он выглядел слишком несчастным, чтобы заметить Кристофера и вспомнить его.

– Я от Ральфа, – сказал Такрой. – У вас должна быть для меня посылка.

– Ах да, – засуетился хозяин. – Не изволите ли войти в дом, сэр, а то погода отвратительная. Нынче у нас самая суровая зима за много лет.

Такрой вопросительно поднял брови и взглянул на Кристофера.

– Мне тепло, – сказал тот.

– Тогда останемся здесь, – решил Такрой. – Где посылка?

– Сейчас-сейчас, сэр, – кивнул хозяин. – Но неужели вы не возьмете чего-нибудь согреться?

– Да, пожалуйста, – быстро проговорил Кристофер.

В прошлый раз ему дали что-то шоколадное, но не какао, а намного вкуснее. Хозяин кивнул, улыбнулся и зашаркал назад в дом.

Кристофер сел за стол. Хотя уже совсем стемнело, мальчику было тепло и уютно; одежда подсыхала. Тучи жирных мотыльков бились в яркие окошки, свет из которых падал на Такрой, плавно опустившегося на стул по другую сторону стола.

– Тебе придется выпить вместо меня то, что принесут, – сказал Такрой.

– Запросто, – ответил Кристофер. – А почему ты велел мне написать цифру «девять»?

– Потому что эта группа миров известна как Девятые Миры, – объяснил Такрой. – Видимо, у твоего дяди тут очень много приятелей. Поэтому экспериментировать здесь легко. Если все получится, думаю, он будет постоянно посылать нас навещать эти края и гулять по Родственным Мирам. Тебе, наверное, это быстро надоело бы, да?

– Нет-нет, мне бы понравилось. И сколько еще миров после Девярых?

– Наши – Двенадцатые. А от них отсчет идет в обратную сторону, к первым. И не спрашивай почему. Так уж повелось.

Кристофер озадаченно нахмурился. В Междумирье он видел бессчетное множество долин, да и расположены они были в полнейшем беспорядке, а вовсе не аккуратными группками по двенадцать. Но он решил, что Такрою – или, если уж на то пошло, дяде Ральфу – виднее.

Торопливо прошаркал хозяин. Он нес две чашки, источающие аромат темного шоколада, но к этому приятному запаху примешивался куда менее приятный от кожаного сосуда на длинном ремне, который хозяин поставил на стол рядом с чашками.

– Вот и я, – проговорил он. – Это посылка, а это вам немного согреться и подкрепиться перед дальнейшим походом, сэр. Не понимаю, как вы оба выносите нашу погоду!

– У нас тоже холодно и сыро, – ответил Такрой и крикнул в спину удаляющемуся хозяину: – Спасибо. Здесь что, обычно жара? – спросил он, когда дверь за стариком захлопнулась. – Я все равно не чувствую ни холода, ни тепла. А напиток вкусный?

Кристофер довольно закивал. Он уже выпил свою порцию темного и очень вкусного шоколада. Потом взял чашку Такрой и выпил ее содержимое маленькими глотками, стараясь растянуть удовольствие. Но пузатая кожаная бутылка источала такую вонь, что перебивала весь вкус. Кристофер снял ее со стола и поставил на пол.

– Как я погляжу, ты можешь поднимать предметы и даже пить, – сказал Такрой, наблюдавший за действиями мальчика. – Твой дядя велел мне обязательно это проверить, но у меня и так нет никаких сомнений. Он сказал, что ты часто теряешь вещи при переходе обратно.

– Из-за того, что через скалы тяжело проносить вещи, – стал объяснять Кристофер. – Чтобы карабкаться, нужны две руки.

Такрой задумался.

– Хм... Поэтому бутыль на ремешке. Но могут быть и другие причины. Хотелось бы выяснить. Например, ты когда-нибудь пытался пронести что-нибудь живое?

– Вроде мышки? – предположил мальчик. – Я мог бы положить ее в карман.

На лице Такрой появилось ликующее выражение. Кристоферу показалось, что он стал похож на веселого сорванца.

– Давай в следующий раз попробуем. Посмотрим, сумеешь ли ты принести маленького зверька. Я уговорю твоего дядю, скажу, что нам непременно нужно это знать. Просто умираю от любопытства, так что рискнем, даже если после этого ты не сможешь больше помогать нам.

Решив это, Такрой засуетился. Он так спешил, что встал сквозь стул, словно стула вовсе не было.

– Ну, ты скоро допьешь? Пошли быстрее. Кристофер с сожалением допил последние капли из крошечной чашечки, потом подхватил бутыль и повесил за ремень через плечо. Спрыгнув с веранды, он вышел на дорогу, представляя, как покажет Такрою город, в котором на всех крылечках растет лишайник, как кораллы. Такрою понравится!

Но юноша окликнул его:

– Эй! Ты куда направился?

Кристофер остановился и рассказал.

– Нет-нет, ни за что. Нам сейчас не до небесно-голубого и розового лишайника! Я не могу долго быть в трансе, а мне ведь еще надо убедиться, что ты тоже вернулся.

Как жаль! Кристофер подошел поближе и уставился на Такрою – тот начал постепенно исчезать, как будто растворялся в темноте или превращался в одного из мотыльков, бьющихся в окно таверны.

Кристофер забеспокоился и ухватил юношу за рукав, чтобы удержать его на месте. В первый миг рука была едва ощутимой, как комочки пыли под кроватью Кристофера, но почти сразу же заметно поплотнела. Силуэт Такрой отчетливо обозначился на фоне темных деревьев.

– Если я не сошел с ума, – сказал он так, будто не был в этом уверен, – ты сделал что-то, чтобы удержать меня. Что это было?

– Я тебя укрепил. А иначе как бы мы пошли посмотреть городок?! Пойдем!

Но Такрой рассмеялся и сильно сжал руку Кристофера – тот даже поморщился.

– Нет, лишайник мы посмотрим в следующий раз. Теперь я знаю, на что ты способен. Все становится намного легче. Но по контракту я должен пробыть здесь всего лишь один час. Возвращаемся!

По пути в долину Такрой постоянно оглядывался.

– Если бы уже не стемнело, – проговорил он, – я наверняка тоже увидел бы эту долину. Я слышу ручей. Восхитительно!

Было ясно, что Междумирья он не видит. Когда они добрались до перевала, Такрой продолжал идти словно по долине. Но подул ветер – и вместе с туманом юноша исчез.

Кристофер задумался, куда бы пойти – в Девятую или какую-нибудь другую долину, но без спутника ему стало скучно, поэтому он позволил Междумирью отправить его домой.

Глава четвертая

К следующему утру Кристофер чуть с ума не сошел от запаха, точнее, вони из кожаной бутылки. Сначала он поставил ее под кровать, но запах был так силен, что пришлось встать и положить на бутылку подушку, чтобы заснуть.

Когда наутро явилась Последняя Гувернантка, она тут же обнаружила трофей.

– Боже милостивый! – проговорила она, вытягивая бутылку за ремешок. – Глазам своим не верю! Неужели твой дядя попросил целую бутылку этой дряни? Как он не подумал об опасности!

Кристофер заморгал. Он никогда не видел ее такой взвинченной. Вся скрытая красота проявилась, когда она глядела на бутылку, будто не зная, сердиться ей, ругаться или радоваться.

– А что там?

– Драконья кровь. Она даже не высушена!

Пока вы одеваетесь, я поскорее отнесу ее вашему дяде, а то мама устроит нам скандал. – И она умчалась с ношей в вытянутой руке, прокричав на ходу: – Думаю, дядя Ральф будет весьма доволен.

Кристофер и не сомневался.

День спустя Кристоферу пришел большой сверток. Последняя Гувернантка принесла его в класс вместе с ножницами и позволила мальчику самому разрезать бечевку. Кристофер сгорал от нетерпения. Внутри лежала огромная коробка шоколадных конфет с большим красным бантом. На обертке был нарисован мальчик, пускающий мыльные пузыри. Кристоферу редко давали шоколад, и он не сразу заметил, что под бантом лежит конверт. В нем был золотой соверен¹ и записка от дяди Ральфа.

¹ Соверен – золотая монета в 1 фунт стерлингов (чеканилась в 1971 году).

Великолепно! Следующий эксперимент через неделю. Мисс Белл скажет тебе когда. Поздравления от любящего дяди!

Кристофер был очень рад и даже позволил Гувернантке первой выбрать себе шоколадку.

– Думаю, – сказала она сухо, взяв конфету с орешками, которые Кристофер терпеть не мог, – вы должны угостить маму, прежде чем коробка опустеет.

Затем она выдернула записку из пальцев мальчика и бросила ее в огонь. Намек на то, что маме нельзя говорить, за что именно получен шоколад.

Кристофер предусмотрительно съел верхний слой конфет, а потом уже предложил коробку маме.

– О, дорогой, шоколад очень вреден для зубов! – воскликнула мама, не в силах сразу решить, какую конфету выбрать – с клубничной начинкой или трюфель. – Кажется, ты действительно понравился дяде. И слава богу, ведь мне пришлось отдать ему все деньги. Когда-нибудь они станут твоими. – Мамины пальцы сомкнулись на сливочной помадке. – Не позволяйте моему брату слишком его баловать, – сказала она Последней Гувернантке. – И наверное, нужно сводить его к зубному.

– Да, мадам, – ответила Гувернантка кротко и скучно.

У мамы не возникло ни малейших подозрений насчет шоколада, а Кристофер испытал гордость за то, что оправдал доверие дяди.

Оставшиеся конфеты не пролежали и недели, но они помогли Кристоферу спокойно дожидаться очередного эксперимента. И когда в следующую пятницу, незадолго до сна, Последняя Гувернантка сказала:

– Ваш дядя хочет, чтобы вы отправились в свой сон сегодня ночью, – Кристофер ничуть не разволновался, а просто собрался с мыслями. – Вы должны попробовать добраться до Десятих Миров и встретить того же юношу, что и в прошлый раз. Как вы думаете, справитесь?

– Легко! – высокомерно произнес Кристофер. – Я мог бы сделать это, даже стоя на голове.

– Вы и так частенько на ней стоите, – заметила Последняя Гувернантка. – Не забудьте причесаться и почистить зубы. И не будьте столь самонадеянны; это вовсе не игра.

Кристофер честно попытался не быть самонадеянным, но ведь для него это задание действительно было легким.

Он вышел на тропинку, где менял одежду, и полез через Междумирье, выискивая Такроя. Единственным неудобством было то, что долины располагались не по порядку. Номер десять следовал вовсе не за номером девять.

Кристофер уже подумал, что не найдет посланца. Но, соскользнув с очередного длинного склона, он наконец увидел Такроя, неловко примостившегося на краю долины и сияющего сквозь туман. Юноша протянул Кристоферу руку, с которой падали капли:

– Я уж решил, ты никогда не придешь. Ты ведь сможешь меня укрепить? А то я снова исчезаю. Сегодняшняя музыкантша не слишком удачна.

Кристофер схватил Такроя за холодную, словно тряпичную, руку. Юноша сразу начал проявляться и плотнеть. Вскоре он стал таким же осязаемым, мокрым и крепким, как и Кристофер. Оба были рады встрече.

– Твой дядя никак не мог поверить, – сказал Такрой, пока они пробирались в долину. – Но я не сомневался, что смогу видеть... о... хм... А ты что видишь, Кристофер?

– Это та Везделка, из которой я принес колокольчики, – с улыбкой глядя на зеленые склоны, произнес Кристофер.

Он помнил ее великолепно. Тогда здесь был особенный спуск к ручью, а в этот раз появилось что-то новое – странная туманность над тропинкой.

– Это еще что? – спросил он, забыв, что Такрой не видит долину.

Но Такрой явно прозрел: он печально уставился на сгусток тумана.

– Часть эксперимента твоего дяди, которая, кажется, не удалась. Предполагалось, что это будет повозка без лошади. Он пытался послать ее за нами. Как ты думаешь, может, тебе удастся и ее укрепить?

Кристофер подошел к облаку и попробовал схватить его рукой. Но видимо, хватать было совсем не за что. Рука просто прошла насквозь.

– Ну ладно, – сказал Такрой. – Дяде придется подумать еще. К тому же эта повозка была первой частью эксперимента из трех, назначенных на сегодняшнюю ночь.

Он заставил Кристофера нарисовать на дорожке большую цифру «десять», и потом они спустились в долину.

– Если бы с повозкой получилось, – объяснил Такрой, – мы бы попробовали кое-что посерьезнее. Но раз уж не получилось, давай попробуем с животным. Ох, мой мальчик! Я так рад, что ты пришел вовремя. Я стал уже совсем прозрачным. Это все девчонка виновата.

– Милая молодая барышня с арфой? – спросил Кристофер.

– Увы, нет, – печально ответил Такрой. – Она рассердилась в прошлый раз, когда ты меня укрепил. Ей там, в Лондоне, показалось, будто мое тело превратилось в полоску тумана, и она решила, что я умер. Закричала и порвала струны арфы. А когда я вернулся, убежала, сказав, что ей платили не за вызов привидений, а только за транс, и отказалась вернуться даже за двойную плату. Жаль! Я не думал, что она такая пугливая. Но она напоминала мне другую девушку с арфой, которая когда-то стала светом моей жизни.

Такрой выглядел очень печальным – насколько может быть печален человек с таким веселым лицом. Потом он улыбнулся.

– Но ни одну из них я не попросил разделить со мной жизнь в моей мансарде. Поэтому, наверное, все к лучшему.

– Теперь тебе придется искать новую?

– К сожалению, я не умею перемещаться в одиночку, как ты. Профессиональному спириту-путешественнику обязательно нужен медиум – чтобы не пропасть. Лучше всего медиум-музыкант. А в случае неприятностей кто-то должен позвать назад, не дать умереть и следить за тем, чтобы всякие почтальоны или еще кто-нибудь не отвлекал. Поэтому твой дядя и нашел эту новую девушку, но немного поспешил. Она-то, конечно, покрепче: и голос у нее как секира, и на флейте играет так, будто царапает железом по стеклу... – Такрой передернуло. – Я слышу этот звук почти все время, если прислушиваюсь.

Кристофер тоже слышал какое-то повизгивание, но думал, что это дудочки заклинателей змей, что сидели около городской стены в этой Везделке.

Вскоре они увидели город. Стояла ужасная жара; высоченные грязные стены и купола странной формы трепетали в этой жаре и расплывались, как предметы под водой. Ветер приносил облака песчаной пыли, которые засыпали стариков, сидящих на корточках перед корзинами и дующих в дудки.

Кристофер с опаской поглядывал на толстых змей, раскачивавшихся над своими корзинами. Такрой рассмеялся:

– Не бойся, твоему дяде змеи нужны не больше, чем тебе.

Миновав высокие узкие ворота, они вошли в город. К тому времени, как путешественники добрались до этих ворот, оба покрылись толстым слоем песчаной пыли. С Кристофера к тому же струйками стекал пот, а Такрою, похоже, было хоть бы хны. За воротами стало еще жарче. Это был единственный недостаток этой вполне милой Везделки.

По затененным сторонам улиц толпились люди и козы, стояли наскоро сколоченные лотки под разноцветными зонтами, поэтому Кристоферу и Такрою пришлось шагать посередине под палящими лучами солнца. Люди радостно перекрикивались и болтали. В воздухе витали странные запахи, раздавалось блеяние коз, писк цыплят и необычный музыкальный звон. Все вокруг переливалось и сверкало, но ярче всего были позолоченные игрушечные

домики по углам улиц, утопающие в цветах и заставленные блюдами с едой. Кристофер думал, что в них живут очень маленькие боги.

Девушка под ярко-синим зонтом подарила Кристоферу несколько конфеток, которыми она торговала. Они напоминали хрустящие птичьи гнездышки в меду.

Кристофер предложил конфету Такрою, но тот сказал, что все равно не почувствует ее вкуса.

– Может, дядя Ральф хочет, чтобы я привел ему козу? – спросил мальчик, слизывая мед с пальцев.

– Мы бы попробовали, если бы повозка получилась прочной. Но на самом деле твой дядя хочет получить кота из одного храма. Мы должны найти храм Ашет.

Кристофер зашагал к площади, где стояли большие жилища богов. Человек с желтым зонтиком был все еще там – на ступенях самого высокого храма.

– Да-да, это тот самый храм, – сказал Такрой. Но когда Кристофер хотел заговорить с человеком под желтым зонтом, Такрой прервал его: – Нет, думаю, нам лучше войти как-нибудь по-другому.

Они обошли храм по одной из узких улочек, бегущих вокруг здания, но не встретили больше ни дверей, ни окон. Стены были высокие, какие-то грязные и совершенно глухие, если не считать зловещих шипов на самом верху. Такрой с радостным видом остановился перед кучей гнилой капусты, которую кто-то выбросил прямо на мостовую, и взглянул на шипы в стене. С другой стороны стены перекинулось какое-то ползучее растение и обвилось вокруг шипов.

– Пожалуй, это подходящее место, – сказал Такрой и приник к стене.

Улыбка исчезла с его лица, сменившись огорчением и даже раздражением.

– Вот так неожиданность! Ты сделал меня слишком крепким и мощным, и теперь я не смогу туда пройти. Проклятье! – Подумав, Такрой пожал плечами. – В любом случае предполагалось, что будет три эксперимента. Твой дядя решил, что раз ты смог перемещаться между мирами, то через стену пройдешь наверняка. Ну, ты готов рискнуть? Сможешь зайти и добыть кота без меня?

Такрой явно нервничал. Кристофер посмотрел на негостеприимную стену и решил, что это невозможно.

– Я постараюсь, – сказал он, скорее чтобы утешить Такрою.

Он шагнул к горячим камням стены и попытался проникнуть сквозь них. Сначала действительно ничего не получилось. Однако вскоре он заметил, что если повернуться по-особенному, одним боком, то начинаешь погружаться в камень. Обернувшись к встревоженному Такрою, Кристофер улыбнулся и бодро сказал:

– Вернусь через минутку.

– Я не хочу отпускать тебя одного, – проговорил Такрой.

Тут что-то чавкнуло – и Кристофер очутился за стеной.

На секунду его ослепило яркое солнце, но он успел почувствовать, что все вокруг движется, и от ужаса одеревенел.

«Змеи!» – подумал он, моргнул и приоткрыл глаза.

Но это были всего лишь кошки, испугавшиеся звука, с каким Кристофер прошел через стену. Когда он очухался, то понял, что поймать их не слишком-то просто. Некоторые из них забрались на стену и забились в заросли выюна, другие бросились к бесчисленным аркам. Правда, один белый кот оказался не таким прытким и вразвалку побегал через двор.

«Этого можно изловить», – подумал Кристофер и устремился вдогонку.

Но тут белый кот совсем перетрусил и припустил что было духу. Кристофер рванул за ним под арку, заросшую все тем же выюном, под другую, через затененный двор, а потом к занавешенному дверному проему. Он отдернул завесу и шагнул в темноту.

– Кто ты? – спросил голос из темноты, звучащий удивленно и надменно. – Тебе нельзя здесь быть.

– А ты кто? – осторожно спросил Кристофер, жалея, что ничего не видит, кроме синего и зеленого сияния.

– Богиня, разумеется, – ответил голос. – Живая Ашет. Ты что здесь делаешь? Я не должна никого видеть, кроме жриц, до начала Праздника.

– Я пришел только за котом. Сейчас поймаю его и сразу же уйду.

– Тебе нельзя этого делать, – сказала Богиня. – Коты – священные животные Ашет. Кроме того, ты гнался за Бетти, она – моя, и скоро у нее будут котята.

Глаза Кристофера начали привыкать к темноте. Он старательно всмотрелся в угол, откуда доносился голос, и вскоре различил восседающую на куче подушек юную особу, которая поглаживала белую кошку. Кристофер шагнул вперед, чтобы разглядеть получше.

– Стой, где стоишь, – велела Богиня, – или я призову небесный огонь и спалю тебя!

Кристофер очень удивился, когда обнаружил, что не может двинуться. Попробовал шаркнуть, и ему показалось, будто голые ноги приклеились к половицам сильным резиновым клеем.

Пытаясь отодрать ноги от пола, Кристофер не забывал поглядывать в угол.

Богиня оказалась совершенно обыкновенной на вид круглолицей девочкой с длинными волосами мышиного цвета. На ней было коричневое платье без рукавов и много-много украшений с бирюзой – штук двадцать браслетов и маленькая диадема. Выглядела она младше Кристофера – слишком маленькой, чтобы приклеивать чьи-нибудь ноги к полу. Кристофер был поражен.

– Как это у тебя получилось? – спросил он. Богиня пожала плечами:

– Сила Живой Ашет. Меня выбрали из всех остальных девочек, потому что я лучший сосуд для ее силы. Ашет выбрала меня, подарив мне отметину на ноге в форме кошки. Смотри.

Она слегка откинулась на подушках и вытянула голую ногу с браслетом. На подошве виднелось большое родимое пятно. Кристоферу не показалось, что оно напоминает кошку, даже когда он напряг глаза так, что голова закружилась.

– Ты мне не веришь, – укоризненно произнесла Богиня.

– Я не знаю. Никогда еще не встречал Богинь. А что ты делаешь?

– Я днем и ночью сижу в храме, никого не вижу и лишь один день в году проезжаю по городу и благословляю его.

Кристофер подумал, что не так уж это и интересно, но прежде, чем он успел это сказать, Богиня добавила:

– На самом деле не слишком весело, но так все устроено для таких важных особ, как я. Живая Ашет всегда должна быть маленькой девочкой, понимаешь?

– Значит, когда ты подрастешь, ты уже не будешь Ашет?

Богиня нахмурилась. Она явно ничего толком об этом не знала.

– Ну, Живая Ашет никогда не вырастет, поэтому, я полагаю... они не сказали. Наверное, меня отпустят. – Ее круглое торжественное лицо посветлело. – По крайней мере, есть на что надеяться, да, Бетти? – сказала она, поглаживая кошку.

– Если мне нельзя взять эту кошку, может, ты дашь мне какую-нибудь другую?

– Даже не знаю, – ответила Богиня. – Не уверена, что мне позволено раздавать их. А зачем тебе?

– Моему дяде нужна, – объяснил Кристофер. – Мы ставим эксперимент, чтобы знать, могу ли я пронести животное из вашей Везделки в нашу. Ваша Десятая, а наша Двенадцатая. Очень тяжело перебираться через Междумирье, поэтому, если ты позволишь мне взять кота, может, дашь еще и корзину, а? Пожалуйста!

Богиня подумала.

– А сколько всего Везделок? – спросила она учительским тоном.
– Сотни. Правда, Такрой считает, что всего двенадцать.
– Жрицы говорят, что известно двенадцать других миров, – закивала Богиня. – Но матушка Праудфут уверена, что их намного больше. Да... А как ты попал в храм?
– Сквозь стену. Меня никто не видел.
– Значит, если ты захочешь, ты сможешь входить и выходить обратно снова и снова? – спросила девочка.

– Запросто, – ответил Кристофер.
– Хорошо, – сказала Богиня, спихнула кошку на подушки и вскочила на ноги. При этом все ее украшения зазвенели. – Ты получишь кота. Но сначала ты должен поклясться Богине, что вернешься назад и принесешь мне то, что я попрошу взамен. Или я прикажу Руке Ашет, чтобы она убила тебя.

– Что ты хочешь взамен?

– Сначала поклянись!

– Клянусь, – сказал Кристофер.

Но этого оказалось недостаточно. Богиня встала руки в боки и посмотрела каменным взглядом. Она была чуть ниже Кристофера, но смотрела на него надменно и испытующе.

– Клянусь, что вернусь с тем, что ты хочешь в обмен на кота, – этого хватит? Чего же ты хочешь?

– Книжек. Мне очень скучно, – быстро проговорила Богиня, и Кристофер поверил ей.

– Здесь что, нет книг?

– Сотни, – проворчала Богиня. – Но они все священные или учебники. А Живой Богине нельзя дотрагиваться ни до чего в этом мире вне храма. Ни до чего *в этом мире* – понимаешь? Кристофер кивнул. Он прекрасно понял.

– Какого кота можно взять?

– Трогмортена, – произнесла Богиня, и ноги Кристофера отклеились от пола. Он подошел к Богине, которая откинула завесу и вышла на тенистый двор. – Отдать Трогмортена я могу.

От него воняет, он царапается и задирает всех остальных котов. Я его ненавижу. Но ловить его нужно очень быстро. Скоро проснутся жрицы после сиесты. Подожди-ка...

Звения браслетами на ногах, она метнулась под арку – Кристофер даже подпрыгнул от неожиданности – и почти сразу вернулась назад. Коричневое платье, разлетающиеся в стороны пояски и выющиеся волосы мышиного цвета – все это за кружилось, и перед Кристофером очутилась корзина с крышкой.

– Закрывается вот так, – показала Богиня. – На крышке прочные ремни, а сбоку застежка. Она пробралась через заросшую арку во двор, где ослепительно палило солнце.

– Обычно он командует другими кошками где-то здесь, – сказала девочка. – Да, смотри, вот он, в углу.

Трогмортен был рыжий; в этот момент он буравил взглядом черно-белую кошечку, которая в ужасе припала к земле и пыталась тихонько отползти в сторону. Трогмортен важно направился к ней, помахивая длинным полосатым хвостом. Тут нервы у кошечки сдали, и она бросилась наутек. Тогда кот повернулся узнать, чего хотят Кристофер и Богиня.

– Он ужасный, да? – спросила Богиня и бросила корзину мальчику. – Держи крышку и, как только я посажу кота, сразу же захлопывай ее.

Кристоферу пришлось признать, что кот был весьма неприятный. Он уставился на ловцов желтыми глазами, взгляд был дерзкий. По ушам – одно поднялось выше другого – Кристофер понял, что кот нападет на любого, кто встанет на пути. И, как это было ни странно, Трогмортен поразительно напоминал дядю Ральфа. Возможно, рыжиной.

Наконец до Трогмортена дошло, что на него охотятся. Он недоверчиво выгнул спину, затем легко взлетел по выюну на стену и карабкался по ней до тех пор, пока не оказался высоко над их головами.

– Быстро сюда, – велела Богиня.

И рыжий Трогмортен оттолкнулся и перелетел прямо в корзину, словно меховой бумеранг. Кристофер застыл как громом пораженный и даже забыл захлопнуть крышку. Трогмортен попытался выскочить из корзины, но Богиня схватила его и стала запихивать назад, несмотря на то что несколько дергающихся рыжих лап (изумленный Кристофер насчитал не меньше семи!) царапали ее по браслетам, по платью, голым рукам и ногам.

Кристофер подождал немного, а потом примерился и в то мгновение, когда одна из голов Трогмортена – казалось, у него их по меньшей мере три и несметное количество клыков – опять высунулась наружу, с грохотом хлопнул по ней крышкой корзины. Трогмортен из воинственного дьявола тут же превратился в обычного испуганного кота, и Кристофер прижал крышку плотнее. Через небольшую щелку между прутьями высунулась рыжая лапа с длинными розовыми когтями и впиалась в Кристофера, уже закрывавшего защелку.

– Спасибо, – сказал тот, облизывая царапины.

– Я рада, что отделалась от него, – ответила Богиня и разорванным платьем вытерла кровь с ноги.

Из-под арки раздался мелодичный голос:

– Богиня, дорогая, ты где?

– Мне пора, – прошептала девочка. – Не забудь про книги, ты обещал! Иду! – закричала она и бросилась под арку: звяк-звяк-звяк!

Кристофер быстро вернулся к стене и попытался пройти сквозь нее. Но не смог. Как он ни старался повернуться особым образом, ничего не выходило. Он понял, что это из-за Трогмортена. Если у тебя в корзине рычит кот, значит ты часть этой Вездельки и должен соблюдать местные правила. Что ему было делать? Мелодичные голоса вдалеке звали Богиню, вскоре сквозь арки стало видно, как по двору ходят люди. Кристофер не собирался бросать корзину, ведь дяде Ральфу нужен был кот. Вместо этого он кинулся к ближайшему проходу, в котором было пусто.

К сожалению, тряска окончательно убедила кота в том, что его похищают. И он начал возмущаться изо всех своих кошачьих сил – раньше Кристофер никогда бы не поверил, что кот может издавать такие громкие звуки! Мяуканье наполнило темные переходы между арками, понеслось дальше, пульсируя, превратилось в визг умирающего вампира, а затем понизилось до могучего контральто. Потом опять перешло в визг.

Не успел Кристофер пробежать и двадцати ярдов, как за спиной раздались крики, шлепанье сандалий и голых ног. Он мчался как угорелый, сворачивая в новые проходы, но Трогмортен вопил в корзине, будто указывая путь преследователям. И чем дальше, тем хуже. Когда Кристофер увидел дневной свет, крики и топот удвоились: сзади неслась огромная толпа.

Яркий свет лился из громадных открытых дверей в сотне ярдов от Кристофера. Он увидел возле них человека с желтым зонтом и понял, где находится. Бросился к дверям, обегая колонны и молящихся людей. Трогмортен завывал в корзине.

– Держи вора! – заорали люди, и Кристофера схватили. – Руки прочь от Ашет!

Кристофер увидел мужчину в серебряной маске, а может, женщину, – в общем, кого-то в серебряной маске, кто стоял на ступенях и старательно прицеливался в него копьем. Он попытался увернуться, но времени не хватило. Копье попало в цель – с глухим звуком вонзилось прямо в грудь.

Все вокруг как будто остановилось. Кристофер стоял, зажав орущую корзину, и опасно смотрел на древко копья, торчащее из его груди. Видно было до ужаса подробно: копье было сделано из старательно отполированного коричневого дерева, на котором были вырезаны слова

и картинки. Посредине торчала блестящая серебряная рукоятка с почти стертым рисунком. Из-под рубашки на древко сбежало несколько капель крови. Видимо, наконечник засел очень глубоко. Кристофер поднял глаза и увидел, что человек в маске торжествующе приближается. Тут появился Такрой, привлеченный шумом. Увидев пронзенного копьём друга, он онемел от ужаса.

Кристофер нерешительно схватил копьё свободной рукой и потянул его.

Внезапно все исчезло.

Глава пятая

Было раннее утро. Кристофер сообразил, что его разбудило недовольное кошачье мяуканье, доносившееся из корзины, лежащей на боку посреди комнаты. Трогмортен жаждал получить свободу. Причем немедленно. Кристофер с ликованием сел: он доказал, что может принести живое существо из Везделки! Потом вспомнил про копьё, торчавшее из груди, и посмотрел вниз. Копья заметно не было, крови тоже не наблюдалось, ничего не болело. Он пощупал грудь, потом расстегнул пижаму и посмотрел. Невероятно! На гладкой бледной коже не осталось и следов раны.

Все было в порядке. В конце концов, Везделки были всего лишь чем-то вроде сна. Мальчик рассмеялся.

– Уау! – сердито взвыл Трогмортен, и корзина покатилась по полу.

Кристофер решил, что лучше выпустить кота. Памятуя об острых когтях, он встал на кровать, дотянулся до карниза с занавесками и снял его. Занавески мешали, но Кристофер подумал, что они хоть как-то защитят его от ярости Трогмортена. Поэтому он вытянул тяжелую палку перед собой, подсунул обитый латунью конец под защелку и открыл корзину.

Кот перестал орать. Видимо, он решил, что это ловушка. Зажав в руке карниз, Кристофер стал ждать нападения кота. Но ничего не произошло. Кристофер осторожно наклонился вперед, чтобы видеть корзину. Рыжая шерсть медленно поднималась и опускалась: Трогмортен успокоился, свернулся калачиком и заснул.

– Ну и ладно, – сказал Кристофер. – Спи себе на здоровье!

Осторожно повесив карниз с занавесками на место, он и сам лег спать. Проснувшись, Кристофер обнаружил, что кот исследует комнату. Он стал наблюдать, как Трогмортен прыгает со шкафа на шкаф. Казалось, что кот больше не сердится. Похоже, ему было даже интересно.

«А может, – подумал Кристофер, глядя, как Трогмортен собрался и перепрыгнул со шкафа на карниз, – кошара поспорил сам с собой, что обойдет всю спальню кругом, ни разу не

коснувшись пола». Когда кот осторожно пошел по карнизу, Кристофер окончательно в этом убедился.

В том, что случилось дальше, Трогмортен явно не был виноват. Кристофер знал, что сам неправильно повесил карниз с занавесками. Ближайший к нему конец дернулся и рухнул вниз, как гарпун; занавески шумно съехали, увлекая за собой кота.

Оказавшись напротив Кристофера, кот на мгновение испуганно уставился на него, и тотчас латунный наконечник вонзился Кристоферу в грудь. Он вошел как копье, хотя не был таким уж острым и тяжелым. Трогмортен в ужасе прыгнул мальчику на живот. Кристоферу казалось, что он кричит. На шум – был ли это его крик или вопль кота – примчалась гувернантка. Последнее, что увидел Кристофер, – это его гувернантка в белой ночной рубашке, серая от ужаса, размахивающая руками и бормочущая очень странные слова...

Проснулся Кристофер уже вечером от света, из-за которого у него разболелась голова. Он тут же услышал голос дяди Ральфа:

– Ужасная досада, Эффи. А так все хорошо начиналось... Надеюсь, он выживет?

– Надеюсь, – ответила Последняя Гувернантка. Оба стояли около кровати Кристофера. – Я подросла вовремя, чтобы произнести соответствующее заклинание, – вроде сработало.

«Забавно, а я и не знал, что она ведьма», – подумал Кристофер. Гувернантка тем временем продолжала:

– Я не осмелилась даже намекнуть вашей сестре.

– И не надо, – сказал Ральф. – У нее свои планы на мальчика, а если она узнает, то все мне испортит. Чертов кот! У меня кое-что устроено во всех Родственных Мирах с того первого похода, и я не хочу это потерять. Думаешь, он поправится?

– Нужно время. Бинтуя его, я использовала очень сильное заклинание.

– Тогда я отложу дела, – недовольно проговорил Ральф. – Хорошо хоть у нас есть кот. Куда он делся?

– Сидит под кроватью. Я пыталась его вытащить, но он меня испарал.

– Ах, женщины! – сказал Ральф. – Я сам его достану.

Дядя опустился на колени, и из-под кровати донесся его голос:

– Милый котик. Иди сюда, пусик.

Кот разразился истошным рывканьем. Дядя отпрянул и произнес длинное замысловатое ругательство.

– Сущий дьявол! Он порвет меня на куски! – Голос стал удаляться. – Не дай ему убежать! Наложь сдерживающее заклинание на эту комнату, пока я не вернусь.

– Вы куда?

– Куплю толстые кожаные перчатки и поищу ветеринара, – проговорил дядя от двери. – Это кот из храма Ашет. Он почти бесценный. Колдуны заплатят пятьсот фунтов стерлингов за дюйм его кишок или за лапу. Глаза пойдут по несколько тысяч за каждый. Поэтому уж постарайся и выбери заклинание понадежнее. Вероятно, мне понадобится около часа, чтобы найти ветеринара.

Наступила тишина. Кристофер задремал. Очнувшись, он почувствовал себя намного лучше, сел и принялся изучать рану. Гувернантка искусно наложила на нее белоснежную повязку. Кристофер с огромным интересом заглянул под бинты. Рана представляла собой круглую дыру, намного меньше, чем он ожидал увидеть. Она почти не болела.

Пока Кристофер думал, как бы выяснить, насколько глубока рана, со стороны подоконника позади него раздался пронзительный вой. Кристофер оглянулся. Окно было приоткрыто – Последняя Гувернантка питала страсть к свежему воздуху, – а на подоконнике сидел Трогмортен и вызывающе глядел на Кристофера. Увидев, что и Кристофер смотрит на него, он вытянул одну из лап-бритв и провел ею между окном и рамой. Пустой воздух заскрежетал.

– Уау! – скомандовал кот.

Кристоферу было интересно, почему кот считает, что он на его стороне. Ведь Трогмортен чуть не убил его!

– Уау? – на этот раз жалобно попросил кот. «С другой стороны, – подумал Кристофер, – кот не виноват». Хоть Трогмортен и был, возможно, самым уродливым и самым злобным котом во всех Везделках, но все же нечестно было красть его и притаскивать в чуждый мир, где его купят колдуны, да еще и по частям!

– Ладно, – сказал Кристофер и вылез из кровати.

Трогмортен стремительно вскочил, подняв рыжий хвост трубой.

– Да, но я не знаю, как снять заклинание, – объяснил Кристофер, осторожно приблизившись к Трогмортену.

Кот отошел; он явно не собирался царапаться. Кристофер протянул руку к открытому окну.

Пустота оказалась резиновой и отпихнула руку, не желая ее пропустить. Единственное, что пришло ему в голову, – это открыть окно пошире. И вдруг он почувствовал, что заклинание рвется, как тугая паутина!

– Уау! – одобрительно произнес кот и тут же исчез, легко спрыгнув на землю.

Только рыжая шкурка мелькнула в кустах и потом за соседским забором. Кот всем своим видом давал понять, что ему давно пора ловить птиц и тиранить других котов.

Кристофер аккуратно вернул раму на место и забрался в кровать.

Когда он проснулся в следующий раз, за дверью стояла мама и с беспокойством в голосе спрашивала:

– Как он? Надеюсь, это не инфекция?

– Нет, мадам, – ответила Гувернантка. Тогда мама вошла, и вся комната наполнилась ее ароматом, что было весьма кстати, потому что от кота под кроватью осталась ужасная вонь. Мама посмотрела на Кристофера.

– Он такой бледный, – сказала она. – Может, нужен доктор?

– Я позаботилась об этом, – ответила мисс Белл.

– Спасибо. Позаботьтесь и о том, чтобы его обучение не прерывалось.

Когда мама ушла, Гувернантка взяла зонтик и потыкала им под кроватью и за мебелью.

– Куда это он запропастился? – спросила она, пытаясь залезть на шкаф и пошарить там зонтом.

– Не знаю, – искренне ответил Кристофер, понимая, что Трогмортен уже очень далеко. – Он был здесь, когда я засыпал.

– Он исчез! А коты не могут просто так исчезнуть!

– Но он был котом из храма Ашет! – сказал Кристофер на всякий случай.

– Да. А они там все колдуны... Твой дядя вряд ли обрадуется.

Кристофер почувствовал себя виноватым. Ему никак не удавалось снова уснуть. Через час он услышал быстрые тяжелые шаги, приближающиеся к двери, сел и стал думать, что сказать дяде Ральфу.

Но вошел не дядя. К изумлению Кристофера, вошел папа! Кристофер узнал его только по черным бакенбардам. Лицо папы тоже было знакомым, потому что напоминало лицо самого Кристофера – за исключением бакенбардов и серьезного, озабоченного взгляда.

Кристофер был изумлен: он думал (никто точно этого не говорил), что папу с позором выгнали из дома после того, что случилось с деньгами.

– Как ты себя чувствуешь, сын? – нервно оглядываясь на двери, спросил папа поспешно и с такой тревогой, что Кристофер догадался: он действительно ушел из дома и не хочет, чтобы его здесь застали.

Было ясно, что папа специально пришел повидать Кристофера – и это было еще удивительней!

– Хорошо, спасибо, – вежливо ответил Кристофер.

Он понятия не имел, как разговаривать с папой наедине. Надежнее всего была вежливость.

– Ты уверен? – спросил папа, внимательно посмотрев на него. – Линия твоей жизни прервалась... собственно, жизнь вообще исчезла, как будто... Хм... Честно сказать, я думал, что ты мертв.

Кристофер не переставал изумляться.

– Нет-нет, сейчас мне намного лучше.

– Слава богу! Должно быть, я допустил ошибку в расчетах. Но я заново нарисовал твой гороскоп и выверил его несколько раз. В любом случае имей в виду, что следующие полтора года для тебя крайне опасны, сынок. Будь очень осторожен.

– Ладно, – ответил Кристофер. – Буду. Еще бы не быть! Каждый раз, закрывая глаза, он видел, как карниз падает и вонзается ему в грудь. И он старался вовсе не думать о копье, торчащем из его тела.

Папа немного наклонился и снова украдкой глянул на дверь.

– Этот братец твоей мамы, Ральф Серебринг, – я слышал, он ведет мамины дела. Постарайся с ним не общаться, сынок. С ним вообще лучше не быть знакомым.

После этих слов папа сжал плечо Кристофера и быстро ушел. Стало намного спокойнее – почему-то с папой было очень неудобно. А теперь Кристофер мучился вдвойне, не зная, что сказать дяде Ральфу.

К великому облегчению мальчика, Последняя Гувернантка сообщила ему вскоре, что дядя не придет. Дядя слишком расстроен потерей Трогмортена, чтобы навещать в таком состоянии больного.

Кристофер облегченно вздохнул и стал жить в свое удовольствие: рисовал картинки, ел виноград, читал книжки и пытался растянуть болезнь как можно дольше, хотя это было непросто.

На следующее утро рана превратилась в небольшое пятнышко, которое чесалось, а на третий день и вовсе исчезло. На четвертый Последняя Гувернантка заставила Кристофера встать и заняться уроками, как прежде.

Еще через день она сказала:

– Ваш дядя хочет, чтобы завтра вы продолжили эксперимент. На сей раз вы должны встретить человека в Восьмых Мирах. Вам это будет по силам?

Кристофер чувствовал себя отлично. Услышав, что о Десятых Мирах речи нет, он с радостью согласился отправиться в очередной сон.

Восьмые Миры оказались мрачной каменистой Везделкой как раз над Девятыми. Пока Кристофер лазал по ней в одиночку, ему было все равно, но когда он увидел радостного Такроя, то готов был смириться и с гораздо худшим местом.

– Не представляешь, как я рад тебя видеть! – проговорил Такрой, пока Кристофер держал его за руку, чтобы укрепить его. – А то я уж решил, что виноват в твоей смерти. Я готов был убить себя за то, что убедил твоего дядю и настоял на том, чтобы ты принес животное. Ведь всем известно, что с живыми существами очень много хлопот, и я ему сказал, что мы никогда больше не будем это делать. Ты действительно поправился?

– Конечно. Когда я проснулся, здесь все уже заросло. – Кристофер ткнул пальцем в грудь.

На самом деле царапины от когтей Трогмортена заживали в два раза дольше, чем любая рана. Такрой, видимо, не поверил и продолжал чувствовать себя виноватым. Кристофера это смущало, и он решил сменить тему:

– У тебя все та же суровая юная леди?

– Суровее, чем всегда. – Такрой сразу же повеселел. – Скверная девчонка действует мне на нервы своей флейтой. Посмотри-ка вниз, в долину. Твой дядя был весьма занят с тех пор, как ты... с того случая.

Ральф усовершенствовал повозку. Она стояла на жиденькой травке около ручья, вполне настоящая, хотя и походила скорее на грубые деревянные сани. Что-то изменилось, и теперь Такрой мог поднять веревку, привязанную к повозке. Когда он потянул веревку, повозка плавно поплыла за ним, не касаясь земли.

– Предполагается, что она вернется вместе со мной в Лондон, – объяснил юноша. – Знаю, в это трудно поверить, но твой дядя клянется, что получит ее прямо в тот же миг. Весь вопрос в том, сможет ли она вернуться обратно с грузом или груз останется в этом мире. Вот что нам нужно сегодня выяснить.

Они миновали долину, и Кристофер пришел на помощь Такрою: как его ни укрепляй, все же ему не доставало сил для такой работы.

Наконец они добрались до мрачной каменистой фермы, приютившейся на склоне холма. Несколько молчаливых женщин с толстыми руками ждали во дворе около кучи свертков, аккуратно завернутых в промасленный шелк. Свертки странно пахли, но их запах заглушала чесночная вонь, исходившая от женщин. Как толь ко повозка остановилась, чесночные волны покатались одна за другой, потому что женщины зашевелились, пытаясь переложить свертки на повозку, но пакеты падали сквозь нее на землю.

– Бесполезно, – произнес Такрой. – Я думал, вас предупредили. Пусть Кристофер сам нагрузит повозку.

Это была тяжелая работа. Женщины недоверчиво наблюдали, как Кристофер загружает пакеты и привязывает их веревкой. Такрой пытался помочь, но был недостаточно плотным, и его руки проходили сквозь пакеты. Кристофер устал и продрог на холодном ветру. Когда одна из женщин дружески ему улыбнулась и спросила, не хочет ли он войти в дом и согреться, он с удовольствием согласился.

– Не сегодня, спасибо, – сказал Такрой. – Это эксперимент, и неизвестно, сколько еще продержится заклинание. Нам пора возвращаться.

Кристоферу стало досадно. Они спустились с холма, и Такрой сказал:

– Не обижайся. Это всего лишь деловая поездка. Твой дядя хочет, чтобы повозка прибыла к нему с грузом в таком виде, какая она сейчас.

Я искренне надеюсь, что он сможет сделать ее достаточно твердой для того, чтобы те женщины могли сами загружать пакеты, и тогда мы обойдемся без тебя.

– Но мне нравится помогать, – запротестовал Кристофер. – Кроме того, как бы ты ее тянул, если бы меня не было рядом, чтобы удерживать тебя?

– Ты прав.

Такрой сам об этом думал, пока они спускались с холма и тащили повозку наверх, в долину.

– Я должен тебе кое-что сказать, – запыхавшись, проговорил юноша. – Ты вообще учился когда-нибудь магии?

– Вроде нет.

– А надо бы, – пропыхтел Такрой. – У тебя потрясающий дар. Попроси маму, чтобы тебе давали уроки.

– Мама хочет, чтобы я стал миссионером. Такрой выпучил глаза:

– Ты уверен? Может, ты неправильно ее расслышал? Может, она сказала – «магом», а не «миссионером»?

– Нет, – возразил Кристофер. – Она сказала, что я «попаду в общество».

– А-а, общество, – печально выдохнул юноша. – Я и сам мечтаю об обществе, о том, как я буду неотразим в бархатном костюме в окружении молодых леди, играющих на арфах...

– Миссионеры что, носят бархатные костюмы?

– Не думаю, что этот разговор к чему-нибудь приведет. – Такрой взглянул на затянутое тучами серое небо. – Твой дядя сказал, что скоро ты пойдешь в школу. Если это приличная школа, то магию будут преподавать факультативом. Пообещай, что обязательно на нее запишешься и будешь ходить.

– Хорошо.

Упоминание о школе вызвало у Кристофера колики в желудке.

– А какие они, школы?

– Там много детей. А в остальном... В общем, скоро сам все узнаешь.

Они с трудом продвигались к началу долины, где кружился туман из Междумирья.

– Ну вот, начинается трудная часть пути. Твой дядя сказал, что этот груз верней доберется до места, если ты изо всех сил толкнешь повозку сразу после того, как я исчезну. И еще... В следующий раз, когда ты окажешься в каком-нибудь языческом храме и тебя начнут преследовать, бросай все и убегай сквозь ближайшую стену. Понял? Думаю, мы увидимся примерно через неделю.

Как только Такрой вместе с веревкой растворился в тумане, Кристофер налег на повозку и толкнул ее. Она накренилась и двинулась вперед. В тумане она светила и была похожа на бумажного воздушного змея...

Кристофер задумчиво карабкался по Междумирью, когда до него вдруг дошло, что в прошлый раз он был в Везделке, где живут язычники... Нельзя с ними связываться! Теперь-то уж никто не заставит его вернуться в Десятые Миры! И почему только мама решила, что ему нужно стать миссионером!

Глава шестая

С тех пор дядя Ральф устраивал новые эксперименты каждую неделю. Такрой сказал, что дядя был очень доволен, потому что повозка с пакетами беспрепятственно закатилась прямо в мансарду Такроя. Два колдуна и волшебник наложили на нее более сильное заклинание, и теперь она могла стоять в любой Везделке столько, сколько нужно. Эксперименты стали намного интереснее. Такрой и Кристофер перетаскивали повозку в то место, где ждал груз, обычно аккуратно упакованный в мешки удобного размера. Кристофер перекладывал их в повозку, и они с Такром отправлялись на часок-другой изучать окрестности.

Такрой сам предложил заняться исследованиями.

В Первых Мирах они глазели на поезда, летящие через кольца. Кольца были закреплены на столбах высоко над землей и на большом расстоянии друг от друга, а поезда пролетали сквозь них с таким свистом, что казалось, рвется небо, и даже не задевали колец.

Во Вторых Мирах они бродили по лабиринту мостов через бесчисленное количество рек, где на отмелях грелись гигантские угри, а в грязи под мостами похрюкивали и копошились совсем уж диковинные твари.

Кристофер подозревал, что Такрою исследовать миры нравится не меньше, чем ему самому. Во время этих прогулок настроение у обоих было великолепное.

– Это куда лучше, чем сидеть в четырех стенах и плевать в потолок. Я так редко уезжаю из Лондона! – сознался Такрой, помогая Кристоферу построить замок из песка на берегу моря в Пятых Мирах.

Оказалось, что именно здесь Кристофер встретил Глупышек. Мир этот сплошь состоял из островов.

– Тут даже лучше, чем на побережье в Брайтоне! – сказал Такрой, глядя на искрящиеся голубые волны. – И почти так же хорошо, как вечерний крикет. Если бы я мог выбираться из дому почаще!

– Ты что, потерял все свое состояние? – с сочувствием спросил мальчик.

– У меня никогда не было состояния, чтобы его терять. Я найденныш.

Больше Кристофер не стал расспрашивать спутника, потому что в голове его витали мысли о русалках и он ждал, что они вот-вот появятся, как обычно. Но сколько он ни ждал, ни одна из них так и не приплыла.

К этому разговору он вернулся на следующей неделе в Седьмых Мирах. Когда они шли за похожим на цыгана человеком, который вел их посмотреть на Великий ледник, Кристофер спросил у Такроя, что значит быть найденнышем.

– Это значит, что кто-то меня нашел, – радостно объяснил Такрой. – Этот «кто-то» в моем случае был очень приятный и благочестивый морской капитан, который подобрал меня, совсем маленького, на каком-то острове. Он сказал, что Господь послал меня ему. Я не знаю, кто мои родители.

Кристофера рассказ очень впечатлил. – Поэтому ты такой веселый?

Такрой рассмеялся:

– Я почти всегда веселый. А сегодня мне особенно хорошо, потому что я наконец-то избавился от флейтистки. Твой дядя нашел для меня пожилую даму, которая играет на скрипке вполне прилично. Может, благодаря ей, а может, и тебе я чувствую себя все тверже с каждым шагом.

Кристофер обернулся и поглядел на юношу, который казался таким же плотным, как и скалы, поднимавшиеся вокруг, и таким же настоящим, как цыган, шагавший впереди.

– У тебя и самого теперь хорошо получается. – Может быть. Думаю, ты увеличил мои возможности. Хотя знаешь ли, юный Кристофер, до встречи с тобой я считался лучшим спиритом в стране.

Тут цыган закричал и замахал им, чтобы они полюбовались на ледник, возвышающийся над ними в ложбине между скалами в форме огромной буквы V. Без особого интереса Кристофер смотрел на гигантский грязный клоч залежалого снега. Почти прозрачная бескрайняя ледяная губа свисала прямо над ними; с нее капало. Седьмые Миры были странным местом: повсюду возвышались горы и белел снег, но при этом было на удивление жарко. В том месте, где с ледника текла вода, появилась поросль зеленого папоротника и целая роща тропических деревьев. Из густого зеленого мха торчали побеги с огненно-красными чашечками цветков размером со шляпу, покрытые капельками воды. Казалось, что экватор и Северный полюс соединились. Путешественники на таком фоне выглядели крошечными.

– Впечатляет, – проговорил Такрой. – Я знаю двоих, кто сродни этому зрелищу. Один из них – твой дядя.

«Глупо было говорить так, – подумал Кристофер. – Дядя Ральф не имеет ничего общего с Великим ледником». И всю следующую неделю он дулся на Такроя.

Но когда Последняя Гувернантка вдруг предстала перед ним с охапкой новой одежды, прочной и удобной, мальчик оттаял.

– Наденете все это, когда отправитесь на следующее задание. Посланец вашего дяди поднял такой шум! Он сказал, что вы вечно ходите в лохмотьях, а в прошлый раз и вовсе замерзли в снегах. Мы же не хотим, чтобы вы заболели, верно?

Кристофер и не замечал, что мерзнет, но все равно был благодарен Такрою. Вся старая одежда стала ему мала.

– Послушай, Такрой, – сказал он, складывая пакеты в большой сарай в Четвертых Мирах, – можно, я приду как-нибудь к тебе в гости? Мы тоже живем в Лондоне.

– Вы живете совсем в другой части города. И тебе вряд ли понравится мой район.

Кристофер возразил, что это не важно. Он хотел видеть Такроя живьем, и ему ужасно любопытно было посмотреть на мансарду. Такрой все извинялся, а Кристофер продолжал напрашиваться – как минимум по два раза за каждую встречу, – до тех пор пока они снова не очутились в мрачных, каменистых Восьмых Мирах.

Здесь Кристофер по достоинству оценил свою теплую одежду. Стоя у очага на местной ферме и согревая пальцы о кружку крепкого солодового чая, он почувствовал новый прилив благодарности к Такрою и в который раз спросил:

– Можно, я приду к тебе в гости? Ну пожа-а-алуйста!

– Хватит, Кристофер, перестань, – устало проговорил Такрой. – Я бы уже давно пригласил тебя, но твой дядя поставил условие, что ты должен видеть меня только таким и только здесь, пока эксперименты не закончатся. Если я скажу тебе, где живу, я потеряю работу. Это ведь так просто.

– А если я обойду все чердаки и буду тебя звать или спрашивать людей?

– Нет, ты не будешь этого делать. Да и не выйдет ничего. Такрой – это псевдоним спирита. На самом деле меня зовут совсем по-другому.

Кристоферу пришлось оставить эту затею, хотя он так и не понял, почему ему запрещают.

Тем временем приближалась пора идти в школу. Кристофер старался не думать об этом, но задача была не из легких – ведь ему приходилось тратить кучу времени на примерку новой одежды. Последняя Гувернантка пришила буквы из тесьмы «К. Чант» на одежду и упаковала ее в черный сияющий жестяной чемоданчик, на крышке которого тоже красовались белые буквы «К. Чант».

Чемоданчик унес носильщик с толстыми руками, напомнившими Кристоферу женщин из Восьмых Миров. Тот же носильщик унес и все мамины чемоданы. Но мамин багаж направлялся в Баден-Баден, в то время как чемодан Кристофера – в Пендж-Скул, графство Сюррей.

Через день мама уехала в Баден-Баден. Она поднялась попрощаться с Кристофером и прижала к глазам синий кружевной платок, который прекрасно гармонировал с ее дорожным платьем.

– Веди себя хорошо и усердно учись, – сказала она. – И не забудь, что мама хочет гордиться тобой.

Она наклонилась к Кристоферу, поцеловала его в щеку и сказала Последней Гувернантке:

– Не забудьте сводить его к зубному.

– Не забуду, мадам, – скучнейшим голосом ответила Гувернантка.

Почему-то в присутствии мамы ее скрытая красота никогда не появлялась.

Ходить к зубному Кристоферу не понравилось. Постукав и поковыряв его зубы (как будто желая выковырять их вовсе!), врач разразился длинной речью о том, какие они кривые и растут, мол, не на месте. Врач надел Кристоферу на зубы металлическую скобу и велел не снимать ее даже ночью. Мальчик так ее возненавидел, что почти забыл свои страхи о школе.

Потом Кристофер с Последней Гувернанткой остались в доме одни, и прислуга закрыла мебель чехлами. А вечером Гувернантка отвела его на станцию и посадила в поезд, чтобы ехать в школу.

Теперь-то время точно настало, и Кристофер почувствовал жуткий страх. Это был первый настоящий шаг по пути к миссионерству и к растерзанию язычниками. Страх сковал все его тело, ноги подкашивались. К тому же он понятия не имел, какая она, школа, и это еще больше пугало его.

Он едва расслышал, как Последняя Гувернантка сказала:

– До свидания, Кристофер. Ваш дядя говорит, что дает вам месяц на обустройство в школе. Он надеется, что восьмого октября вы, как обычно, встретитесь с его посланцем в Шестых Мирах. Восьмого октября. Запомнили?

– Да, – рассеянно ответил Кристофер и залез в вагон, как на эшафот.

В купе сидели еще два новичка. Маленький тоненький Феннинг так нервничал, что его даже вырвало. Второй – Онейр – ничем особенным не отличался. Когда поезд подошел к школьной станции, все трое успели подружиться. Они решили, что будут называться Грозная Тройка, но на самом деле их стали звать Тремя Медведями. «Кто сидел на моем стуле?» – кри-

чали дети каждый раз, когда друзья входили в класс вместе. И все из-за того, что Кристофер был очень высокий (о чем раньше и не догадывался), Феннинг маленький, а Онейр приходился ровно посередине.

Не прошло и недели в школе, а Кристофер уже не мог и вспомнить, чего он так боялся. Конечно, у школы были свои недостатки вроде странной еды, некоторых учителей и многих старших мальчиков, но это была сущая ерунда по сравнению с огромным удовольствием, какое Кристофер получал от компании сверстников и особенно от того, что теперь у него есть два верных друга. Кристофер быстро уяснил, что иметь дело с противными учителями и с большинством старших мальчишек – то же самое, что и с гувернантками: вежливо говоришь им то, что они хотят услышать, они думают, что победили, и оставляют тебя в покое.

Уроки были легкие. Зато очень много нового Кристофер узнал от других мальчишек. Дня через три он понял, что мама вовсе не собиралась делать из него миссионера. И он тут же забыл про эти глупости, радостно окунувшись в бурную школьную жизнь.

Единственным нелюбимым уроком была магия. Кристофер с удивлением обнаружил, что кто-то записал его на факультатив по магии. У него возникло смутное подозрение, что это сделал Такрой. Но особого дара, вопреки ожиданию его друга, у Кристофера не обнаружилось. Самые обычные заклинания, которые приходилось зазубривать, доводили его чуть ли не до слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.